

его существования такому «преступному» (и уже поэтому непризнанному) государству постоянно угрожает риск выхода из «серой зоны» не в сторону суверенизации, а в направлении полной ликвидации, чаще всего военным путем, при явной или скрытой поддержке мирового сообщества.

ПО ПУТИ К НОВОМУ СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Непризнанное государство, не соблюдающее перечисленные выше правила, вовсе не обречено на гибель. В «серой зоне» между суверенными государствами и негосударственными политическими образованиями или организациями можно выжить и не процветая. В крайнем случае непризнанное государство и его правительство можно буквально заархивировать на отдельно взятом компьютере. Нельзя не согласиться с А. Г. Большаковым, когда он пишет:

Глобализация создала дополнительные возможности для длительного существования непризнанных государств, без их формального признания другими странами. Это постепенно становится нормой.¹¹

Фактически ситуация возвращается к тем уже отдаленным местам и временам, когда ни одного харизматика местного масштаба не беспокоило право наций на самоопределение.

Непризнанные политические образования и тогда могли иметь признаки государства: властную вертикаль, судебную-правовую систему (даже если, с точки зрения чужестранца, такое право выглядело как дичайший произвол), карательный аппарат, подконтрольную территорию и население (как минимум одну деревню или группу кочевников). Ликвидировать подобные «незаконные» государственные образования не всегда удавалось, иногда было проще их оставить в покое, а часто и заплатить, только бы не досаждали грабежами или охотой за головами. Так было и относительно недавно в некоторых владениях Британской империи и на окраинах Российской империи.

Известный в истории аналог парагосударства — «двоеданство», или двойное подданство (не индивидуальное, а народов и племен, независи-

---

¹¹ Большаков А. Г. Указ. соч. С. 3.

мо от границ занимаемой ими территории), хорошо знакомое этнографам и историкам.¹²

Диаспоральные и фантомные государственные образования прежде также существовали. В роли первых обычно выступали изгнанные правители со своими дворами, вторые были представлены включением в титул правителя государств, которые уже не существовали, либо еще только планировались к созданию.

В различных регионах мира формы существования политических организмов выглядели совершенно по-разному. Например, в доколониальной Африке южнее Сахары суверенитет государства, как правило, был вовсе неизвестен, либо о нем что-то слышали исламские ученые. В Китае и культурно близких к нему странах суверенное государство было реальностью, но оно могло быть только одно, «срединное» (т. е. китайское, по крайней мере, в идеале). Фактическая самостоятельность соседних стран и народов, по-видимому, прекрасно сочеталась с почтением к идеальному моноцентризму, или, как теперь принято говорить, однополярному миру.

Наиболее близкое к современной «серой зоне» состояние было представлено в тех регионах, где могли сосуществовать относительно равноправные государства, неподконтрольные им внешние территории без явных признаков государственности и внутренние непризнанные государства и «ненужные» пустыни (леса, горы и т. п.). Такие регионы — это, прежде всего, католическая Европа эпохи средневековья и островная Юго-Восточная Азия до колонизации.

Светлое поствестфальское будущее Европы, Азии и Африки, а также государств-продуктов деколонизации XX в. в других регионах мира, скорее всего, принадлежит не только суверенным государствам и объединениям государств наподобие нынешнего Европейского союза, но и непризнанным государствам, упомянутым выше криминальным анклавам, депрессивным территориям, а также оседлым и кочующим (в том числе в виртуальном мире) микронациям.

---

¹² См., напр.: *Трепавлов В. В.* Россия и народы Кавказа: проблемы цивилизационного взаимодействия // История народов России в исследованиях и документах. Вып 5. М.: ИРИ РАН, 2011. С. 11; *Хасанова М. М.* Проблема контактов населения Нижнего Амура и Северо-Восточного Китая // Евразия. Этнос. Ландшафт. Культура. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 305–306.

Разнообразие форм государственности не мешало экономическому развитию в средневековой Европе и доколониальной Юго-Восточной Азии. Опыт непризнанных государств XX и начала XXI в. позволяет предположить, что и в будущем национальные экономики продолжат существование, независимо от признания или непризнания «их» государств. В мирных условиях непризнанное государство — не помеха для туризма и образования, включая университеты.

Что же касается политических систем, то общая тенденция непризнанных государств — «быть святее Папы Римского», т. е. по мере сил развивать демократию. У суверенных государств нет такого сильного стимула, как борьба за международное признание, и многие из них прекрасно обходятся без демократии либо заимствуют лишь ее название.

Несмотря на усилия непризнанных стран, мировое сообщество не проявляет особого желания признать их равноправие с другими государствами. Основанием для осторожности может быть нежелание портить отношения с «родительским» государством либо опасение, что процесс нового политогенеза приведет к появлению новых претендентов на суверенитет. Поэтому и поныне непризнанные государства, при всех их достижениях, пребывают «на обочине модернизации».